

С.В. Воробьёв

Партийный лидер Урала М.М. Харитонов во внутрипартийной борьбе и интригах первой половины 1920-х годов¹

В статье рассмотрены этапы революционной и партийной карьеры видного представителя партии большевиков М.М. Харитонova. Основное внимание уделено его партийной деятельности на Урале в первой половине 1920-х годов. Подробно рассмотрены обстоятельства конфликта, возникшего в Уральской партийной организации в 1925 году. Исследованы политический контекст возникновения конфликта, основные аспекты и этапы развития конфликта.

Ключевые слова: Уралобком; РКП (б); М.М. Харитонов; И.В. Сталин; внутрипартийная борьба; конфликт.

Конфликты среди региональных руководителей разных уровней в 1920-е годы не были редкостью. Так называемые склоки периодически сотрясали партийные организации разных уровней. Перманентная междоусобная война за перераспределение политического влияния между различными группами в партии как в центре, так и на местах являлась в тот исторический момент типичным явлением (см., например: [3]).

В партийных документах того времени склока характеризовалась как один из проступков, свойственных главным образом «ответственным членам партии». Официально считалось, что склоки и дрязги — это конфликты, не имеющие идеологического содержания [14: с. 159–160]. Однако на практике не всегда возможно разделить личную склоку и идеологическое противостояние оппонентов. Идеологическое противоречие могло быть внешним фоном, прикрытием для истинных причин конфликта между руководящими работниками или переплетаться с межличностным противостоянием. Поэтому бывает трудно определить, что

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 16-01-00368 «Трансформация советской региональной номенклатуры в период становления и утверждения командно-административной системы (на материалах Урала)».

является первичным, а что вторичным в зарождении конфликта. И.В. Сталин по-своему решал эту дилемму. Он выделял «здоровую сторону склок», т. е. когда склока затевается ради дела, и склоки, возникающие на личной почве, с которыми партия, безусловно, должна бороться [4: с. 66].

В эпицентре одного из подобных конфликтов в 1925 году оказался Моисей Маркович Харитонов — партийный лидер Урала, человек, ставший первым руководителем обширной Уральской области. М.М. Харитонов был из когорты профессиональных революционеров. Член РСДРП с 1905 года, участвовал в событиях первой русской революции. В 1906 году был арестован и сослан в Олонецкую губернию, откуда бежал. Затем в 1912 году эмигрировал в Швейцарию, где принимал активное участие в деятельности Цюрихской секции большевиков, был ее секретарем и делегатом на конференции заграничных большевистских секций в Берне (1915) [8: с. 675]. Здесь же, в Швейцарии, Харитонов знакомится с Г.Е. Зиновьевым, а также с лидером большевиков В.И. Лениным. Ленин высоко оценивал партийную деятельность Харитонova. По итогам его выступления на съезде социал-демократической партии Швейцарии в Аарау, проходившем 20–21 ноября 1915 года, Ленин написал ему: «Вашему выступлению в Аарау очень рад и от души Вас поздравляю с успехом. По-моему, вышло чудесно» [8: с. 165]. В начале 1916 года в связи с планами две-три недели поработать в библиотеках Цюриха с целью сбора материала для работы над книгой «Империализм как высшая стадия капитализма» партийный вождь обратился к Харитонову с вопросом о возможности прочесть за денежное вознаграждение пару рефератов (лекций) и подыскать место для проживания [8: с. 178–179].

М.М. Харитонов являлся одним из пассажиров «пломбированного вагона», которые сопровождали руководителя партии во время его поездки из Швейцарии в апреле 1917 года в революционную Россию. В этом же вагоне ехал и Г.Е. Зиновьев. По прибытии в Петроград Харитонов активно включается в политическую борьбу. В 1917 году он на ответственных должностях: секретарь 2-го городского районного комитета РСДРП (б), секретарь Петроградского окружного комитета РСДРП (б), член Петербургского комитета РСДРП (б) [12]. С марта по ноябрь 1919 года М.М. Харитонов — секретарь Петроградского комитета РКП (б) [13: с. 460], а Г.Е. Зиновьев — председатель Петроградского совета. Затем Харитонов находился на различных политических должностях в РККА [12].

Осенью 1921 года в Петрограде произошел конфликт кандидата в члены Политбюро ЦК РКП (б), председателя Петроградского совета Г.Е. Зиновьева с двумя ответственными работниками — секретарем Петроградского губкома, кандидатом в члены ЦК Н.А. Углановым и секретарем исполкома Петроградского совета, членом ЦК Н.П. Комаровым. Конфликт оказался настолько острым, что решением Политбюро от 1 декабря 1921 года из Петрограда в распоряжение ЦК РКП (б) были откомандированы Н.А. Угланов и сторонник Г.Е. Зиновьева М.М. Харитонов [5: с. 370–371].

Непримиримый сторонник Г.Е. Зиновьева был направлен на укрепление партийных сил провинции в качестве секретаря Пермского губкома РКП (б). Этот регион был знаком Харитонову по годам революции и Гражданской войны: в 1917 году он являлся секретарем Пермского губкома РСДРП(б), в 1918 году входил в состав Уральского обкома РКП (б). По прибытии в Пермь Харитонов из одной партийной склоки сразу же попал в другую: ему пришлось вступить в борьбу с Г.И. Мясниковым — возмутителем спокойствия в партии, одним из ярких оппозиционеров, пользовавшимся большой популярностью в пермской партийной организации, и особенно в Мотовилихе. 20 февраля 1922 года Мясников решением Политбюро ЦК РКП (б) был исключен из партии. Уже после этого он в составе бывшей «Рабочей оппозиции» подписал так называемое «Заявление 22-х» в адрес Международной конференции Коминтерна. М.М. Харитонов предпринял усилия к тому, чтобы добиться от актива Мотовилихинской парторганизации — оплота «мясниковщины» — осуждения позиции Г.И. Мясникова. Необходимость этого он мотивировал следующим: «Голод и разруха, нехватка топлива и всего самого необходимого, а у нас в Перми и Мотовилихе вот уже скоро год идут склоки, которые, несомненно, отрицательно сказываются на жизни всего населения» [1: с. 120]. Однако добиться желаемой цели ему не удалось. Ситуация разрешилась тем, что в конце марта 1922 года Мясников был арестован Пермским губотделом ГПУ и под конвоем отправлен на поезде в Москву [1: с. 136–141].

Последующие несколько месяцев были посвящены искоренению последствий «мясниковщины» и оздоровлению пермской партийной организации. Однако большим местом парторганизации, как указывал Харитонов в письме И.В. Сталину, еще оставался «лжедемократизм, насажденный Мясниковым» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 284. Л. 326.).

В должности секретаря Пермского губкома партии Харитонов оставался недолго. После XI съезда РКП (б) был взят курс на усиление роли областных бюро в системе партийной власти. В связи с этим принимается решение направить на Урал большую группу видных партийных деятелей — сторонников ленинской линии. Как отмечал Л.М. Каганович, «ЦК придавал большое значение Уральской парторганизации. После XI съезда ЦК счел нужным укрепить Уральское бюро ЦК и ввел в него тт. Голощекина, Харитонova, Бела Куна, Ломова и других» [6: с. 288].

Новым руководителем Уралбюро ЦК РКП (б) Москва изначально планировала назначить М.М. Харитонova. По поводу назначения с ним вели переговоры И.В. Сталин и В.М. Молотов. Еще раз этот вопрос был поднят во время приезда Молотова в Екатеринбург в июне 1922 года для разрешения конфликта между Уралбюро ЦК РКП (б) и Екатеринбургским губкомом по поводу фигуры секретаря губкома Н.И. Уфимцева (см. подробнее: [7: с. 141–142], (ЦДО-ОСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 68. Л. 142)).

Кандидатура Харитонova на должность руководителя Уралбюро ЦК РКП (б) устраивала вышестоящее партийное руководство, так как в отличие от многих

региональных партийных руководителей он вел себя лояльно по отношению к областным структурам власти. Еще будучи руководителем Пермского губкома партии, М.М. Харитонов проявил себя как сторонник усиления роли и влияния областных партийных бюро. В конце января 1922 года президиум Пермского губкома направил в ЦК РКП (б) свое постановление, в котором высказался «за создание полноправных областных объединений» (ЦДООСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 75. Л. 26). Видимо, эта позиция регионального руководителя была отмечена высшей партийной инстанцией и учтена при выборе новой кандидатуры на должность руководителя Уралбюро ЦК РКП (б). К тому же в этот период М.М. Харитонов пользовался доверием Сталина и Молотова как близкий соратник Г.Е. Зиновьева. Именно по инициативе Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева Сталин в апреле 1922 года был назначен на должность Генерального секретаря РКП (б).

Однако Харитонов не сразу дал согласие на это назначение. Он попросил отсрочку для завершения дел в Пермском губкоме. На это время секретарем Уралбюро ЦК РКП (б) был назначен И.И. Голощекин, а Харитонов остался членом бюро. М.М. Харитонов надеялся, что это решение окончательное и в Екатеринбург его не переведут. После личной беседы с Молотовым, состоявшейся в конце июня или начале июля, в письме на имя Сталина от 4 июля 1922 года он писал: «Я старался здесь доказать т. Молотову нецелесообразность моего перевода, исходя из интересов Пермской организации, но успеха не имел» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 22). По мнению Молотова, отказ был обусловлен причинами иного характера, о чем он прямо и сказал Харитонову. «Тов[арищ] Молотов полагает, что желание возможно скорее вернуться в Питер и есть основная причина. Сознаюсь, я о Питере думаю, но охотно останусь в Перми до следующего съезда партии. Мои возражения против переезда в Екатеринбург на 75, если не на 90 % вызваны исключительно соображениями общепартийного характера (интересы мест[ной] организ[ации]» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 23). В то же время Харитонов заверяет, что он будет придерживаться партийной дисциплины: «Если в ЦК будет решен вопрос о моем переезде в Екатеринбург, то я, конечно, без всяких [вопросов] перееду». Однако он снова просит отсрочить переезд к новому месту работы «до середины или конца августа» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 24).

В отсрочке Харитонову было отказано и дано распоряжение выехать к новому месту работы. 10 июля Харитонов пишет из Перми Сталину: «Ввиду того, что меня переводят в Екатеринбург, необходимо срочно командировать сюда тов[арища] на должность секретаря» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 284. Л. 327). В результате Голощекин в середине июля был отозван в распоряжение ЦК РКП (б), а руководителем Уралбюро ЦК РКП (б) стал М.М. Харитонов.

Уралбюро ЦК партии во главе с Харитоновым решительно приступило к выстраиванию вертикали власти на региональном уровне (см. подробнее: [3: с. 82–90]). Областной партийный орган стремился поставить под свой жесткий контроль партийную жизнь курируемых губерний. Принимается постановление, согласно которому «ни один пленум губкома и конференции

не должны созываться без уведомления Урал-Бюро ЦК РКП и присутствия одного из членов Урал-Бюро ЦК на этих пленумах и конференциях» (ЦДООСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 68. Л. 36).

Уралбюро ЦК РКП (б) решительно вело борьбу со склоками и любыми проявлениями фракционности. Эти усилия принесли нужные политические плоды. В отчете в ЦК РКП (б) накануне XII съезда партии Уралбюро ЦК следующим образом оценивало результаты своей деятельности: «Склоки и болезненные уклоны, которые к XI-му съезду характеризовали внутреннее состояние решительно всех организаций области, ликвидированы в корне и без остатка. От “мясниковщины” осталось одно воспоминание» (ЦДООСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 194. Л. 104).

После выхода постановления ВЦИК СССР от 3 ноября 1923 года о создании Уральской области областное бюро окончательно прекращает свою работу и заменяется в декабре 1923 года выборным областным партийным органом — Уральским областным комитетом РКП (б). Секретарем Уралобкома партии избирается М.М. Харитонов.

Уже в должности секретаря обкома М.М. Харитонов продолжал активно бороться с партийной оппозицией: на этот раз с троцкизмом и его проявлениями в уральской партийной организации. В январе 1924 года он посылает письмо Г.Е. Зиновьеву с информацией об оппозиционных настроениях, в котором делает приписку: «Прошу и т. Сталина показать письмо» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 25). По его оценкам, ситуация в организации была следующая: «Элементов для оппозиции тут порядочно. Много бывших троцкистов, которые не забыли профсоюзной дискуссии, не против сейчас взять реванш. Много среди областных работников, особенно в профсоюзах бывших ме[ньшеви]ков и бундовцев. Все они почти за редким исключением за Троцкого» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 25). В письме Харитонов дает позитивную оценку статье И.В. Сталина²: «По-моему, эта статья на первое время нам повредила, но на будущее она дает много положительного. Она заставляет всех нас резко, резко ставить вопрос, и что называется брать быка за рога» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 25 об.). Харитонов пытался даже теоретизировать по поводу левой оппозиции. Выступая в мае 1924 года на VI Уральской областной конференции РКП (б), он отнес троцкизм к «промежуточным звеньям» между большевизмом и меньшевизмом [10: с. 62].

Во время борьбы против Л.Д. Троцкого, когда в высшем партийном руководстве сложился триумвират (Зиновьев – Каменев – Сталин), Харитонов пользовался доверием Сталина и Молотова как решительный противник троцкизма. Но в начале 1925 года расклад в высших партийных кругах изменился. В январе 1925 года Л.Д. Троцкий был снят с ключевых постов наркома по военным

² Скорее всего, речь идет о статье И.В. Сталина «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого», опубликованной в «Правде» 15 декабря 1923 г.

и морским делам и председателя Реввоенсовета Республики. После этого правящая тройка «Зиновьев – Каменев – Сталин» немедленно развалилась. Сталин естественно склонялся к тому, чтобы избавляться от сторонников Г.Е. Зиновьева в регионах и заменять их в логике аппаратных игр на лояльных ему людей. В связи с изменением политической конфигурации в Центре руководящее кресло под М.М. Харитоновым зашаталось.

Давний соратник Сталина А.М. Назаретян бывший в 1922–1923 годах завбюро Секретариата ЦК РКП (б), характеризовал его как мастера аппаратных интриг: «Он очень хитер. Тверд, как орех, его сразу не раскусишь» [2: с. 263]. В отношении Харитонova Сталин повел тонкую политическую игру, он не хотел, чтобы снятие его с должности ответственного секретаря Уралобкома исходило со стороны Москвы, что вызвало бы осуждение Центра в проведении репрессивных мер по отношению к оппонентам. Поэтому было желательно представить отставку Харитонova как инициативу снизу. Тем более что в областной партийной организации были недовольные фигурой М.М. Харитонova. Необходимо было только дать им сигнал, что Москва разделяет их негативный настрой, чтобы подспудно тлевшее недовольство вырвалось наружу в виде конфликта. Местная фронда, недоброжелатели М.М. Харитонova уловили эти подвижки в высших политических сферах и выбрали подходящий момент для атаки, точно рассчитали удар, когда его поддержка со стороны Москвы стала не абсолютной.

В нашем случае отправной точкой стал конфликт вокруг фигуры секретаря Уральского обкома РЛКСМ А. Баташева, имевший идейную окраску. Дело было связано с ситуацией раскола на большинство и меньшинство в ЦК РЛКСМ. Этот конфликт в руководящем ядре комсомола стал отголоском начала распада коалиции между Сталиным, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым — с другой. В начале 1925 года данное противостояние перекинулось на уровень руководства комсомольской организации. После того как 27 января 1925 года состав Бюро ЦК РЛКСМ был расширен за счет сторонников Зиновьева, в ЦК РЛКСМ возник конфликт между сторонниками Сталина и Зиновьева по поводу отношения к Л.Д. Троцкому. Большинство ЦК РЛКСМ поддержало позицию Г.Е. Зиновьева об исключении Троцкого из состава Политбюро ЦК РКП (б). Политбюро ЦК РКП (б) 12 и 25 февраля приняло постановления, в которых указывалось на необходимость прекращения фракционной борьбы в ЦК РЛКСМ и подчинения решению партийного руководства. Однако ЦК комсомола этому решению не подчинился. Создается комиссия во главе с Ем. Ярославским для тщательного расследования всех обстоятельств групповой борьбы в ЦК комсомола. 15 марта 1925 года созывается экстренный пленум ЦК РЛКСМ, на котором были сняты со своих должностей лидеры большинства — сторонники Зиновьева: Я.С. Цейтлин, Л.Я. Файвилович, С.М. Гессен, В.А. Касименко. Репрессиям подверглись и региональные комсомольские работники. Под угрозой снятия оказался и А. Баташев,

который как член ЦК РЛКСМ голосовал за расширение Бюро ЦК комсомола и разделял позицию большинства в отношении Троцкого.

М.М. Харитонов, в целом разделяя позицию высшего партийного руководства, в то же время являлся противником жестких организационных выводов в отношении комсомольских руководителей, особенно провинциальных. Свою позицию он озвучил в письме Сталину в начале апреля: «По-моему, снимать остальных 18 провинциальных Цекистов, голосовавших с большинством ЦК РЛКСМ, никоим образом не следует. Это ни в интересах партии, ни в интересах своей же молодежи» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 31).

А. Баташев вместе с другими комсомольскими вожаками уезжает в Москву на экстренный пленум и в это время ставится вопрос о снятии его с должности секретаря Уральского обкома РЛКСМ. 19 марта 1925 года собирается бюро Уралобкома РКП (б), на котором по результатам прошедшего экстренного пленума ЦК РЛКСМ вновь поднимается вопрос о ситуации в комсомоле. На заседании единогласно принимается решение «полностью одобрить решение Политбюро по докладу Комиссии т. Ярославского» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 19. Л. 2.). В рамках принятия необходимых мер «к обеспечению правильной линии в работе комсомольских организаций на Урале» ставится вопрос о снятии А. Баташева с поста секретаря Уральского обкома комсомола. За его отставку голосует 27 человек, против — 10 (ЦДООСО. Ф.4. Оп. 3. Д. 19. Л. 2). При этом А. Баташев остается членом бюро Свердловского окружкома партии и членом обкома РКП (б).

В конце марта 1925 года Харитонов уезжает в Москву для выступления с докладом на совещании заведующих отделами ЦК при организационно-распределительном отделе ЦК РКП (б) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 19. Л. 5). Здесь Харитонов попытался добиться отмены снятия А. Баташева с должности. Он встречается с И.В. Сталиным, с которым обсуждает в том числе и этот вопрос, и встречает понимание с его стороны. Но Сталин был не так прост и вел свою игру. Вот что о результатах встречи Сталин 28 марта 1925 года написал председателю Уральского облизполкома Д.Е. Сулимову: «Насчет т. Баташева я дал письменное заверение т. Харитонову, что не считал нужным его снятие, но там же добавил, что коль скоро решение о снятии принято Бюро Обкома (или даже Обкомом), я не считаю возможным вмешиваться или отменить решение (подчеркнуто И.В. Сталиным. — С. В.). Харитонов постарается использовать мое письменное заверение, но это пустяки, и поддаваться его настояниям было бы смешно. Решение о снятии должно остаться в силе» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 43). Этим заявлением Сталин, по сути, дезавуирует свою позицию в отношении А. Баташева, озвученную Харитонову, и дает отмашку его противникам на активные действия.

Основные события разворачиваются в апреле после возвращения Харитонova из Москвы. Последний, заручившись, как ему казалось, поддержкой в высшем руководстве, вновь поднимает вопрос о А. Баташеве. Это накаляет обстановку. 13 апреля во время пленума Уральского обкома собирается

секретное заседание, на котором вновь обсуждается вопрос о комсомоле и «создавшемся с этим вопросом положении в Бюро Обкома» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 30). Судя по количеству выступивших в прениях, обсуждение проходило в бурной обстановке. На заседании со своим заявлением выступил А. Баташев. Он заявил, что подчиняется решению бюро обкома РКП (б), но считает его «глубоко несправедливым», выразил несогласие с тем, что он не обеспечил «правильной линии в работе комсомольских организаций на Урале» и привнес в них фракционную деятельность (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 36). В качестве весомого аргумента в свою защиту он привел такой факт: «Как мне известно [...] т. Сталин на вопрос тов. Чаплина³ о моем снятии (уже после экстренного пленума ЦКмола) сказал, что снимать не следует» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 37). Здесь Сталин опять проявил себя как мастер политической интриги.

По результатам дискуссии на закрытом заседании пленума 13 апреля 1925 года на утверждение были вынесены два предложения — М.М. Харитонova и секретаря Пермского окружкома РКП (б) И.П. Румянцева. Предложение Харитонova сводилось к следующему: не поднимать больше вопроса о комсомоле, так как «единогласно принятыми Политбюро ЦК решениями по этому поводу, вопрос в Москве считается исчерпанным», а обком партии должен «приложить все усилия к тому, чтобы наладить деловую работу в Обкомоле» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 32). В связи с разногласиями по снятию А. Баташева он предложил бюро обкома «договориться по этому вопросу с ЦК партии с тем, чтобы на следующем пленуме окончательно решить вопрос о составе Бюро в согласии с теми указаниями, которые даст по этому поводу ЦК партии» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 32). Таким образом, Харитонов пытался передать окончательное решение вопроса в руки Москвы.

Из предложения И.П. Румянцева становится ясно, что спор вокруг фигуры секретаря Уральского обкома комсомола был только вершиной айсберга. На самом деле он был отражением более серьезных противоречий. Однако эта подводная часть конфликта не нашла отражения в итоговом протоколе секретного заседания пленума обкома РКП (б), что вызвало сильное недовольство со стороны Д.Е. Сулимова. 17 апреля 1925 года он пишет в бюро обкома РКП (б) записку по поводу содержания протокола заседания, выдержанную в резких тонах: «Я только сегодня получил протокол закрытого заседания пленума Обкома от 13 апреля с/г. Этот протокол, по моему мнению, неправильно освещает ход заседания. <...> Прошу в интересах восстановления истины внести соответствующие изменения в протокол, тем более, что его кроме меня еще кажется никто не получал» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 39).

Из записки Сулимова становится очевидным, что на заседании главным был вопрос не о комсомоле, а о напряженной обстановке, сложившейся в бюро обкома партии: «Мною в начале заседания было внесено предложение поставить

³ Н.П. Чаплин — генеральный секретарь ЦК РЛКСМ.

в повестку: вопрос о положении в Бюро Обкома. Против этого предложения никто, кроме т. Харитонов не возражал, и я считал и считаю его принятым. В протоколе же это не значит принятым и даже не отмечено, а отмечено только предложение т. Харитонина о комсомоле. <...> Из всех присутствовавших на пленуме Обкома о комсомоле говорили только т. Харитонов и тов[арищи] комсомольцы: Баташев и Ушков» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 39). Всё остальное время семичасового закрытого заседания было посвящено обсуждению ситуации, сложившейся в бюро обкома: «...говорили о создавшемся положении внутри Бюро, об исключительно обострившихся отношениях, даже о склоке (т. Шпагин), о взаимоотношениях бюро Обкома с[о] Свердловским окружкомом, о необходимых мерах к изживанию этого положения и т. д.» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 39).

Дело в том, что энтузиазм Харитонина в отстаивании фигуры А. Баташева был обусловлен не только результатом разговора о нем со Сталиным. Во время их встречи, как следует из письма Харитонина Сталину от 9 апреля 1925 года, Харитонов поднимал вопрос о своей отставке: «В бытность моей недавно в Москве, я и в разговоре с вами и в разговоре с т. Молотовым ставил вопрос о моем снятии с нынешней работы» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 29). Свое желание Харитонов объясняет рядом обстоятельств. Во-первых, «с момента поездки комиссии тов. Андреева в Пермь я почувствовал организованное недоверие со стороны ЦК по отношению ко мне. <...> А если я, в то же время, чувствую организованное недоверие со стороны ЦК, то лучше мне уйти» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 29). Во-вторых, «далеко не последним, мотивом постановки мною вопроса об уходе, как я сказал во время нашей беседы в Москве, это снятие т. Баташева, Секретаря Обкома РЛКСМ» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 31). Он выражал убеждение, что разногласие, возникшее в триумвирате «перед последним Пленумом по вопросу о т. Троцком временного характера», поэтому «ни одним словом, ни одним поступком я противопоставлять себя Политбюро ЦК или его большинству не могу и не имею оснований» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 29). Однако в планы Сталина немедленная отставка секретаря Уралобкома РКП (б), тем более по сценарию добровольного ухода, не входила. Почему это было нежелательно для Сталина, невольно объяснил сам Харитонов: «Ибо даже архидобровольный мой уход с работы в данное время общественное партийное мнение истолкует, как наличие острой борьбы в ленинском лагере (дело, конечно, не во мне), как продолжение линии снятия с постов ответственных местных работников из-за разногласий по вопросу о т. Троцком и т. д.» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 29). Сталин планировал отложить решение этого вопроса до Пленума ЦК. Поэтому во время личной беседы «и тов. Молотов, и Вы, особенно, мне отсоветовали ставить вопрос о снятии. Я из бесед с Вами понял, что Вы действительно не хотите, чтобы я уходил теперь» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 29). В письме Д.Е. Сулимову в конце марта 1925 года Сталин писал: «О Харитонове расскажет Вам

т. Коковихин. Я думаю, что с т. Харитоновым нужно подождать пока. Подробно поговорим на Пленуме ЦК» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 43). Однако события стали развиваться более стремительно по инициативе уральских коммунистов.

Из письма Харитонova Сталину становится понятно, когда начались интриги в его отношении и кто за ними стоял. Борьба против руководителя обкома «началась с момента приезда комиссии т. Андреева <...> продолжается и до сих пор, и особенно интенсивно велась против меня за время моей поездки в Москву» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 30–31). Харитонов пытался найти компромисс, убедить оппонентов в отсутствии разногласий в Политбюро: «я старался и Сулимова, и Розенталя и других убедить в том, что дело в Москве идет к ликвидации той брешы, которая было образовалась, что все ответственные руководители партии заявляют, что нет принципиальных разногласий, а раз так, то и драки не будет. Но мне здесь не во всем верят (указанные товарищи). <...> Больше всех у нас усердствует тов. Гей, который дошел до того, что на Бюро Обкома сказал: “вы ведь не малые ребята. Вчитайтесь внимательно в последние статьи и убедитесь в наличии разногласий и т. п.”» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 30–31). Таким образом, можно очертить круг активных оппонентов М.М. Харитонova: это председатель Уральского облисполкома Д.Е. Сулимов, председатель Уральского областного совета профсоюзов Я.Д. Розенталь, заведующий организационно-распределительным отделом Уралобкома РКП (б) К.В. Гей и председатель областной контрольной комиссии М.Н. Коковихин.

В ходе склоки оппоненты могли использовать разные методы борьбы против неугодного руководителя, в том числе критику на официальных мероприятиях, дискредитацию, лишение статуса [14: с. 162–163]. Все эти методы использовали недоброжелатели Харитонova в своем стремлении снять его с должности.

Претензии, предъявленные Харитонову, на закрытом заседании пленума Обкома озвучил И.П. Румянцев. Он выделил ряд болевых точек в деятельности руководящего партийного органа Урала. Во-первых, отметил факт разделения бюро обкома на большинство и меньшинство, что негативно отразилось на его работоспособности, проявилось «в заболотировании предложений Секретаря Обкома по серьезным политическим вопросам» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 31). Во-вторых, отметил, что обострение отношений между членами бюро обкома произошло «после попыток т. Харитонova добиться в ЦК отмены решения, вынесенного Обкомом совместно с президиумом облКК 19/III с/г. о т. Баташеве» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 31).

Значительный вклад в обострение ситуации внесла стычка М.М. Харитонova со Свердловским окружкомом РКП (б) и его руководителем Н.Ф. Севастьяновым. Остановимся на этом подробнее. Конфликт вспыхнул во время пленума Свердловского окружкома, проходившего 8–11 апреля 1925 года, и на котором присутствовал Харитонов. Он выступил в прениях по отчету

окружкома. О содержательной части выступления секретаря обкома можно судить по постановлению пленума Свердловского окружкома. В постановлении говорится: «Пленум считает совершенно необоснованным заявление Секретаря Обкома тов. Харитонов <...> о том: а) что какие-то товарищи муссируют и раздувают слухи о разногласиях внутри ленинской части партии; б) что какие-то товарищи распространяют слухи об изменившемся отношении партии к троцкизму в смысле затушевывания расхождений последнего с Ленинизмом» (ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 326. Л. 15 об.). Что это за товарищи, сказано не было, но учитывая, что эти слова были произнесены на пленуме Свердловского окружкома, намек был понятен. Недовольство Харитонova было связано также с тем, что со стороны руководства окружкома была предпринята недружественная попытка избавиться от А. Баташева, являвшегося креатурой секретаря обкома. Естественно, он воспринял это как проявление нелояльности.

В результате нападок Харитонova секретарь окружкома Севастьянов направил в адрес бюро окружкома заявление. В нем он высказывал несогласие с «некоторыми руководящими членами обкома», которые делали намеки, «что Баташева выставили по инициативе руководящей части бюро Окружкома», что Севастьянов плетет интриги. В связи с этим с целью «изжития <...> таких слухов» он попросил освободить его от должности (ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 334а. Л. 5). Однако бюро окружкома оставило его на посту секретаря окружкома, отметив при этом «что [для] заявлений и намеков, которые указаны в заявлении т. Севастьянова абсолютно никаких оснований не имеется» (ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 334а. Л. 4). Но Харитонов нажил себе в лице Севастьянова очередного недоброжелателя не только в окружной партийной номенклатуре, но и в бюро обкома.

Заявление Севастьянова свидетельствует, что линии напряжения с обкомом возникли еще до пленума Свердловского окружкома РКП (б). В постановлении пленума окружкома было высказано недовольство чрезмерной опекой и вмешательством обкома партии в работу окружкома, «что неизбежно вызывает в ряде случаев нарушение партийной демократии и неблагоприятно отражается как на состоянии работы окружкома, так и на авторитете перед парторганизациями округа» (ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 326. Л. 15 об.).

Но не только Свердловский окружком был недоволен чрезмерным контролем со стороны Уралобкома РКП (б). Как оказалось, эту позицию разделяли и другие окружные парторганизации области. В документе И.П. Румянцева отмечалось, «что целый ряд окружкомов области: Пермский, Златоустовский, Челябинский и др. в той или иной форме в своих решениях выразили несогласие, и даже осуждение точки зрения, отстаиваемой т. Харитоновым против большинства Бюро» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 31). В результате Харитонов не имел поддержки и на низовом уровне — среди представителей окружной партноменклатуры.

Описав ситуацию, сложившуюся в Уральском обкоме партии, И.П. Румянцев вынес на суд участников заседания предложение: «в интересах установления единства в организации и поднятия партработы на должную высоту, — освободить т. Харитонову от обязанностей Секретаря Обкома и поручить Уральской делегации на Всесоюзной конференции вопрос этот согласовать с ЦК, а также согласовать с ЦК вопрос о новом Секретаре» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 31). На голосование были поставлены предложения М.М. Харитонova и И.П. Румянцева. Голосование дало следующие результаты: «За предложение т. Харитонova — 7 член[ов] Обкома, 2 канд[идата], 1 член Обл[астной] КК, всего 10 человек. За предложение т. Румянцева — 23 члена Обкома, 7 кандидатов, 13 членов Обл[астной] КК, 5 секретарей Окружкомов — не членов и кандидатов Обкома, всего 45 человек. Таким образом, было принято предложение т. Румянцева» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13а. Л. 31). В деле Харитонova в полной мере проявился макиавеллизм Сталина: он хладнокровно наблюдал, как бьется обреченный на поражение его недавний соратник.

После секретного заседания в адрес Политбюро ЦК РКП (б) была отправлена телеграмма, в которой информировалось о решении Уральского обкома партии в отношении Харитонova. Телеграмму подписали М.М. Харитонов, Д.Е. Сулимов, И.П. Румянцев, К.В. Гей, К.В. Рындин, М.Н. Коковихин. По итогам телеграммы Политбюро ЦК РКП (б) приняло следующее постановление: 1) решение Уралобкома о снятии т. Харитонova считать не окончательным; 2) указать Уралобкому, что он не может снимать т. Харитонova без согласия ЦК РКП; 3) окончательно решение вопроса отложить к приезду уральцев на Пленум» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 497. Л. 6).

Таким образом, И.В. Сталин, опираясь на мнение большинства руководящих партийных работников Урала, получил законное право поставить вопрос о снятии Харитонova с должности перед высшими партийными органами. Пленум ЦК РКП (б) состоялся 23–30 апреля 1925 года. Окончательно вопрос о М.М. Харитонове был решен после окончания Пленума на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 7 мая 1925 года. На этом заседании как члены ЦК РКП (б) присутствовали Д.Е. Сулимов и М.М. Харитонов. На заседании еще раз было указано на то «что Уралобком не должен был снять тов. Харитонova без согласования вопроса с ЦК». Политбюро пришло к выводу, что конфликт зашел слишком далеко и его участники не склонны идти на компромисс, поэтому было принято решение: «Ввиду заявления Уралобкома с одной стороны, и т. Харитонova, с другой, о невозможности совместной работы после всего случившегося, признать необходимым освобождение т. Харитонova от работы на Урале, обеспечив т. Харитонову соответствующую партработу вне Урала» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 502. Л. 8.).

Ситуация с М.М. Харитоновым показывает, что в 1920-е годы секретарь партийного комитета еще не был абсолютной фигурой в системе региональной власти. В это время рядом с ним стояли равнозначные руководители,

также имевшие дореволюционный опыт партийной работы и авторитет как в Центре, так и в среде местной номенклатуры. Склока в этот период выступала как механизм смены неугодного руководителя, а региональная элита была заметным игроком на политическом поле. Смещение нежелательного руководителя в результате конфликта вело к изменению сложившейся конфигурации власти, стабилизации политической организации. Именно в этом видел Сталин положительную сторону склоки: «Я должен сказать, что склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны. Основным источником склок и дразг является стремление губкомов создать внутри себя спаянное ядро, сплоченное ядро, могущее руководить как один. Эта цель, это стремление здоровые и законные, хотя добиваются их часто путями, не соответствующими целям» [4: с. 66].

Проиграв в этой аппаратной борьбе, М.М. Харитонов показал себя слабым лидером. В период своего руководства уральской партийной организацией он не смог или не захотел создать вокруг себя надежную клиентелу, которая бы обеспечивала ему надежную поддержку в конфликтных ситуациях, не организовал подбор людей по принципу личной преданности, что и предрешило его судьбу. Как справедливо заметил О.Г. Назаров, «чтобы оказаться под массивным ударом партаппарата, достаточно было остаться даже не в одиночестве, а просто в меньшинстве» [9: с. 152]. Ирония состояла и в том, что борец с оппозицией в партии сам стал жертвой внутривнутрипартийной борьбы в высшем руководстве РКП (б).

Условия меняются в конце 1920-х годов, когда начинает формироваться административно-командная система (сталинизм). Региональные партийные руководители получают в свои руки широкие полномочия, выстраивается жесткая властная иерархия, начинают формироваться патрон-клиентские связи. Создается культ местного вождя, который поддерживается преданным окружением. И.Д. Кабаков — первый секретарь Уралобкома ВКП (б) — превращается фактически в «красного императора» Урала, чей авторитет был непререкаем [11].

Литература

1. Аликина Н.А. Дон Кихот пролетарской революции: Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП (б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы). Пермь: Пушка, 2006. 176 с.
2. Большевицкое руководство. Переписка 1912–1927: сб. документов. М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
3. Воробьев С.В. Формирование властной вертикали советской политической системы в период НЭПа (на примере Урала) // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 47–96.
4. Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 903 с.
5. Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП – РКП (б) – ВКП (б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб.: Питер, 2010. 496 с.

6. *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1997. 572 с.
7. *Кружинов В.М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2000. 232 с.
8. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 49. М.: Политиздат, 1970. 706 с.
9. *Назаров О.Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях нэпа. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2002. 204 с.
10. *Резник А.В.* Троцкизм и левая оппозиция в РКП (б) в 1923–1924 годы. М.: Свободное марксистское издательство, 2010. 112 с.
11. *Сушков А.* Крах «империи товарища Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Веси. 2013. № 6 (92). С. 46–84.
12. Харитонов Моисей Маркович // Справочник по истории коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://www.knowbysight.info/ННН/00665.asp>
13. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга: путеводитель. М.: Звенья, 2000. 479 с.
14. *Шабалин В.В.* «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 159–166.

Literatura

1. *Alikina N.A.* Don Kixot proletarskoj revolucii: Dokumental'naya povest' o tom, kak motovilixinskij rabochij Gavriil Myasnikov borolsya s SK RKP (b) za svobodu slova i pečati (1920–1922 gody'). Perm': Pushka, 2006. 176 s.
2. Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska 1912–1927: sb. dokumentov. M.: ROSSPE'N, 1996. 423 s.
3. *Vorob'ev S.V.* Formirovanie vlastnoj vertikali sovetskoj politicheskoj sistemy' v period NE'Pa (na primere Urala) // Gosudarstvo i narod v usloviyax socialisticheskogo e'ksperimenta: opy't retrospektivnogo analiza. Ekaterinburg: UrO RAN, 2008. S. 47–96.
4. Dvenadczaty'j s'ezd RKP (b). Stenograficheskiy otchet. M.: Politizdat, 1968. 903 s.
5. *Izmozik V., Starkov B., Pavlov B., Rudnik S.* Podlinnaya istoriya RSDRP – RKP (b) – VKP (b). Kratkij kurs. Bez umolchanij i fal'sifikacij. SPb.: Piter, 2010. 496 s.
6. *Kaganovich L.M.* Pamyatny'e zapiski rabocheho, kommunisto-bol'shevika, profsoyuznogo, partijnogo i sovetsko-gosudarstvennogo rabotnika. M.: Vagrius, 1997. 572 s.
7. *Kruzhinov V.M.* Politicheskie konflikty' v pervoe desyatiletie sovetskoj vlasti (na materialax Urala). Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. 232 s.
8. *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 49. M.: Politizdat, 1970. 706 s.
9. *Nazarov O.G.* Stalin i bor'ba za liderstvo v bol'shevistskoj partii v usloviyax NE'Pa. M.: Izd-vo IVI RAN, 2002. 204 s.

10. *Reznik A.V.* Troczkizm i levaya opposiciya v RKP (b) v 1923–1924 gody'. M.: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo, 2010. 112 s.
11. *Sushkov A.* Krax «imperii tovarishha Kabakova»: sverdlovskoe rukovodstvo v politicheskix vodovorotax 1937 goda // *Vesi*. 2013. № 6 (92). S. 46–84.
12. *Xaritonov Moisej Markovich* // *Spravochnik po istorii kommunisticheskoy partii i Sovetskogo Soyuza 1898–1991*. URL: <http://www.knowbysight.info/HHH/00665.asp>
13. *Central'nyj gosudarstvennyj arxiv istoriko-politicheskix dokumentov Sankt-Peterburga: putevoditel'*. M.: Zven'ya, 2000. 479 s.
14. *Shabalin V.V.* «Skloka» kak sposob samoregulyacii rajonnoj e'lity' v 1920-e gody' // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2013. Vy'p. 2 (22). S. 159–166.

S.V. Vorobyev

**A Party Leader of the Urals M.M. Kharitonov
in Inner-party Struggle and Intrigues of the First Half of the 1920s**

The article considers stages of revolutionary and party career of the prominent representative of Bolshevik party M.M. Kharitonov. The paper focuses on his party activities in the Urals in the first half of the 1920s. The author considers in detail the circumstances of the conflict that arose in the Uralian party organization in 1925. The political context of the conflict, the main aspects and stages of the conflict development are explored in the paper.

Keywords: Uralobkom; RCP (b); M.M. Kharitonov; I.V. Stalin; inner-party struggle; conflict.